

МКУК «Шумихинская центральная районная библиотека
Информационно-методический отдел

Увлечение на всю жизнь:
Михаил Бухаров
на страницах
районной газеты

г. Шумиха, 2016

Панов А.А. Один из «огненного выпуска»

// Знамя труда. – 2013. – 11 января.

...Михаил Александрович Бухаров – один из «огненного выпуска».

В 1941 г. Миша Бухаров учился в 10 классе на «хорошо» и «отлично», увлекался спортом, мечтал о профессии учителя, был хорошим и надёжным другом. Война ворвалась внезапно в жизнь этого юноши. Из воспоминаний Михаила Александровича: «После выпускного бала в школе, мы поехали встречать рассвет в с.Карачельское, на реку Миасс всем классом. Мы пели, шутили, смеялись, планировали встречаться через каждые 10 лет на этом месте. А когда 22 июня к вечеру вернулись в Шумиху, то увидели суровые лица людей, заплаканных женщин, притихших детей. На вопрос «Что случилось?» услышали страшное – «Война!».

Начался отчёт Великой Отечественной. В Шумиху эвакуировали завод ППО им. Войкова из Кривого Рога. Он разместился в мастерских МТС. Миша Бухаров и его друзья – одноклассники Саша Котов, Толя Водяников поступили сюда работать. С фронта поступили тревожные новости. Через два месяца после начала боевых действий, в Шумихе организовался военный госпиталь. По рассказам раненых бойцов, ребята поняли, их место там, на передовой.

2 января 1942 года Мишу Бухарова и его друзей призвали в армию. Они попали в 641 полк 165 стрелковой дивизии, которая формировалась в Кургане. В апреле прибыли на Волховский фронт, созданный Ставкой Верховного Главнокомандующего для ликвидации блокады Ленинграда. Стали защищать Родину. В одном из боёв Михаил был тяжело ранен. После лечения в госпитале его направляют в органы государственной безопасности, в которых служил до 1943 года. Участвовал в разгроме банд украинских националистов. Демобилизован в звании лейтенанта. После войны он закончил педагогический институт, стал работать учителем русского языка и литературы, был завучем школы № 2.

Страсть к литературе пришла к Михаилу Александровичу ещё в школьные годы. Литературный кружок поглощал его свободное время. И это увлечение осталось с ним на всю жизнь.

Бухаров М. Среди людей (Рассказ – быль)

// Знамя труда.-1982.-2 февраля

- Сегодня, дети, к нам пришёл дедушка Тани Дроздовой.

Невольно все ребята посмотрели на то место, где сидела Таня, потом туда, где был её дедушка. Конечно, все прекрасно знали, что он Танин дед, не раз видели, когда он проходил по улице домой, когда входил в правление колхоза или на машине уезжал на пастбище, а чаще всего шёл на ферму, где работали их мамы. Они-то знали, что дядя Лёня славный человек, хороший работник, лучший в районе зоотехник. Об этом даже в газете было напечатано.

- Он расскажет вам о дружбе и взаимопомощи советских людей, которые будут в этом году отмечать шестидесятилетие образования Союза Советских Социалистических Республик. Пожалуйста, Леонид Артемьевич.

Все внимательно смотрели на него, а он стоял беззащитный перед ними, со всех сторон изучаемый внимательными глазами ребят.

- Смотри, - шепнул Сашка своему соседу, - у него орден на пиджаке. Ордена зря не дают...

На Сашку шикнули, подтолкнули сзади, и тишина восстановилась.

- Было четвёртое лето войны, - начал Леонид Артемьевич. – Мне в то время шёл тринадцатый год, но я уже, как заправский мужик, работал в колхозе на конном дворе, ухаживал и содержал молодняк. Дел было невпроворот. Хорошо, что парнишка из Ленинградского детдома помогал мне во всём. Надо сказать, что с открытием в нашей деревне детского дома эвакуированных ребят, которые прожили страшную зиму в блокаде, жизнь как-то даже изменилась. Наши люди увидели и поняли, что там ещё труднее, что здесь ещё живут хорошо, спокойно спят. А там...

И старушки старались хоть молочком, да угостить прибывших ребят, по-взрослому серьёзных, с печальными глазами. Думали, что они не оттают никогда, но время и заботы сделали своё дело. Скоро они стали песни петь вместе с нами.

Однажды вместе с Толей – так звали моего помощника, - готовясь купать и поить табун, видим: подходит к нам тётка Анна, наша соседка.

- Ты что домой не появляешься, Лёнька? Дед у тебя сильно хворает, а ты...

- Гони, Толька! – крикнул я.

Когда я забежал домой, дед почти умирал. Что-то в горле у него хрипело, свистело, как в прохудившихся кузнечных мехах. Есть дед не мог, кое - как удавалось ему выпить глоток – два согретого молока. Он хворал давненько, но сегодня ему было особенно тяжело. Знаками он позвал меня к себе, задыхаясь, хрипя, кое – как растолковал, что надо врача – иначе крышка. Я побежал к бригадиру, чтобы дал лошадь. Надо понять, что значила тогда рабочая лошадь! Работы хватало всем по горло, а лошадь – основная тягловая сила.

Бригадир задумался, а потом, махнув рукой, сказал:

- Валяй! Запрягай Рыжку... Как-нибудь выкрутимся, может деда спасём. Крепкий ещё старик – сгодится. Жеребята с кем?

- С Толькой.

- Ну, хорошо. Этот парень, что надо. Валяй!

Я быстро запряг лошадку, бросил охапку сена в коробок, заехал за дедом, и мы тронулись в больницу.

Обратно я возвращался, чувствуя себя бодрее от того, что врач обещал поставить деда на ноги. Порой даже нет-нет да и намурлычу песенку, какую любили петь по вечерам наши девчата:

- Что ты бродишь всю ночь одиноко?

- Что ты девушкам спать не даёшь?

Я не совсем понимал тогда истинного значения и всей глубины этих слов, но чувствовал в них чудную поэтическую силу, так как был тоже одинок, как эта гармонь.

Скоро я увидел впереди человека, слегка припадающего на правую ногу. Определяю – идёт женщина. Вижу – на левой руке шинель, на правом плече –

полупустой вещмешок. Несколько шагов Рыжки – и мы поравнялись. Это была женщина в военной форме. Лошадь сбавила шаг, а мы с женщиной смотрели друг на друга. Зелёный берет со звёздочкой, подчёркивал прелестное, хотя и очень бледное лицо. Ишь ты, подумалось мне, что делает шапка, а наши женщины, спрячут своё лицо в платок, и не разберёшь: старуха это или молодайка.

- Здорово, парнище! – непринуждённо, и как мне показалось, даже весело поприветствовала она меня.

- Ступай себе мимо... - поддержал я её. – Это мы знаем. Это из Некрасова.

- Значит, ты и Некрасова знаешь?

- А то как же? Учим в школе!

- Куда же ты едешь?

- К себе в деревню.

- Далеко ли ездил?

- В больницу дедушку отвозил. Сильно хворает. Боюсь, умрёт, да врачи радуют, говорят, что выздоровеет.

- Что же с ним?

- В горле что-то хрипит и булькает, дыхания нет.

- Простыл, наверно. Я ведь тоже врач, военный конечно.

Тут она подошла к повозке, и я разглядел на её узких погонах два красных просвета и большую белую звёздочку, а ближе к пуговке маленькую эмблему: чашечку со змеей.

- Садитесь, доктор, подвезу маленько.

Скоро мне стало известно, что военврач едет в наше село. Семью она растеряла во время войны. Сама оказалась на Южном фронте, а муж погиб в блокадном Ленинграде. Детей эвакуировали и пока неизвестно, где они. Сама тяжело ранена во время бомбёжки и долго лежала в госпитале в Челябинске. После выхода из госпиталя узнала, что в нашем районе есть Ленинградский детский дом. Вот и едет туда справиться.

- Этот детдом в нашем селе, - сказал я. – У меня даже дружок есть среди них. Толей зовут. Страсть как лошадей любит. Сейчас он за меня остался, пока я езжу.

- Маленькие среди них есть?

- Разные. Есть и маленькие.

- Правда?

- Их стараются не разлучать, если они брат и сестра.

- Это хорошо! Правильно делают.

Я видел её нетерпение и понимал её желание ехать побыстрее, поэтому пошевелил лошадь, чтобы прибавила шагу. Скоро мы стали спускаться под горку к мосту и увидели издали группу ребятишек, загорающих на берегу и бегающих за мячом. Ребятишки весело играли под руководством воспитательницы.

- Вот это как раз группа из их детдома, - заметил я.

Моя спутница стала внимательно присматриваться к ним, чуть приподнялась, стараясь увидеть всех лучше.

- Мишка! Вон мой Мишка! – задохнувшись, простонала она. Я его вижу! Остановись!

Глаза её блестели невыразимым огнём, лицо, казалось, побледнело ещё больше, береточка сбилась на затылок. Пока я останавливал лошадь. Мать с удивительным

проворством оказалась на земле, хотя полчаса назад с усилием забралась в коробок, бросив туда предварительно вещмешок и шинель. Я с интересом смотрел, как она, вытянув вперёд руки, проворно побежала к ребятам.

- Мишенька! Миша! Сыночек!

Ребята остановились, прекратив игру. Те, что лежали, приподнялись на локте, кто сел или даже встал. Воспитательница на полуслове остановилась, не понимая, что случилось. Все смотрели на женщину, бегущую к ним. Вдруг белоголовый мальчик почти взвизгнул:

- Мама! Мамочка! Это ты?

Мать и сын бросились друг к другу. Миша повис у неё на шее. Ни тогда, ни сейчас я не могу вспомнить, что они говорили. Наверное, и сами они вряд ли помнят этот момент встречи. А они что-то говорили, перебивая друг друга.

- Мишенька, а где же твоя сестричка Галя?

- Здесь она, мама, только она в младшей группе.

- Спасибо вам, добрые люди, что сохранили моих детей! – Она обнимает и целует растерявшуюся воспитательницу. Снова целует маленького Мишу и о чём-то успевает говорить. И плачет, и смеётся.

- Тётенька, мне ехать пора, - напомнил я, - а то бригадир заругается, что я долго. И Толька заждался, наверно.

- Ах да! – словно очнулась мать, - большое тебе спасибо. Славный ты парень. Прости, что не узнала, как тебя зовут. Езжай, друг. А дед твой выздоровеет, не горюй, обязательно выздоровеет. Привет ему сказывай.

Я поехал, но всё оглядывался. Интересно смотреть даже на чужое счастье. Ещё полчаса назад его не было, а сейчас – вот оно, Мишино счастье. И привёз его я.

- У меня такого уже не будет, - подумал я в ту пору. Отца убили в сорок первом под Москвой. Старший брат погиб под Ленинградом в Синявинских болотах. Мать умерла в сороковом, когда отец был на финском фронте.

Прошло много времени. Я вырос. Дед мой действительно поправился, и я этому был очень рад, тоже по-своему счастлив. Он помог нам с Толиком закончить веттехникум. После смерти деда я заочно закончил сельхозинститут. Добрые люди, колхоз помогли мне встать на ноги. Сейчас работаю зоотехником, имею трёх внуков. Таня у меня старшенькая. Толя, мой дружок, работает на конном заводе. Он так и не расстанется с лошадьми.

Часто я проезжаю по тому мосту, где когда-то встретились мать с сыном, и каждый раз вспоминаю и тот день, и то небо, и поездку с больным дедушкой в больницу. Как сейчас вижу детей из блокадного Ленинграда. Они были такими, как вы теперь, и жили вот здесь, у нас в деревне. Наши люди делились с ними последним, что у них было. Голодные, напуганные войной, ребятки восстанавливали у нас свои силы, учились вместе с нами в школе, работали в мастерской и в поле. Они жили ожиданием окончания войны и надеждой, что кто-нибудь приедет за ними.

Война закончилась. Постепенно ребята выросли и разлетались в разные стороны по стране. Многие вернулись в Ленинград, где остался их родной дом, где они надеялись разыскать близких. Не знаю, как сложилась жизнь у маленьких Миши и Гали, потому что их мама снова вернулась на фронт, так как война продолжалась. Но на

моих глазах они пережили минуту необыкновенного счастья встречи с мамой. Хотелось, чтобы они встретились.

Вот что запомнилось из моего детства, обожжённого страшной войной. Спасённые и возвращённые нашими людьми дети, я уверен, никогда не забудут свою Родину-мать, свой народ, заменивших им погибших родителей.

Бухаров М. «Город знаменитого скульптора»

// Знамя труда. – 1982. – 31 июля.

Май этого года я провёл в ГДР, где жил в старинном немецком городе Гюстрове. Этот город был основан в 1228 году, и центр его не претерпел никаких изменений. Даже война пощадила старину. Узкие улочки, полуметровые и метровые по ширине тротуары, разноцветные особнячки готического стиля, протестанский собор, лютеранская церковь, ратуша, замки князей – словом, многим строениям лет по 600-700. А уцелел город потому, что его бургомистр передал советскому командованию ключи от города.

Город является родиной знаменитого скульптора Эрнста Барлаха. Перед своей смертью Э.Барлах все скульптуры передал в дар городу. Где он жил и работал с 1910г. Жители разместили их в двух музеях, а парящего ангела (прототипом которого была немецкая коммунистка) на цепях подвесили в евангелическом соборе, построенном в XIV веке.

В период фашистской диктатуры парящий ангел и другие скульптуры против милитаризма были разбиты и уничтожены. Только после войны скульптуры были восстановлены, а благодарные горожане воздали творению великого скульптора достойный приём.

Я видел, как музей Барлаха посетили немцы, приехавшие из Мексики. Война разбросала их по свету, и вот они приехали на Родину, чтобы поклониться великим творениям в глине, дереве, металле и камне. Любовно, со слезами на глазах, прикасались они к фигурам, сделанным гением, переживали трогательное единение с родиной-матерью, изображённой в камне. Во время визита в ГДР посетил музей Барлаха и уроженец этого города президент ФРГ Г.Шмидт.

Прибывающие в город не обойдут знаменитый замок графа Ганса Мекленбург-Гюстровского.

Поражает воображение планировка и самого замка, и территории, прилегающей к нему. Автор проекта усиленно боролся с симметрией и многого достиг в этом направлении. Ворота, окна, колонны – всё сделано так, чтобы глаз не отыскал нигде симметрично повторяющегося пространства или образа. Все трубы на крыше разные по форме: то это витой жгут, то цилиндр, то куб, но всё подчинено единой гармонии прекрасного. Даже стёкла в окнах разного цвета, не говоря уже о внутреннем устройстве и оформлении интерьера комнат и залов.

В гостевом зале – лепной потолок, на котором изображены сценки из жизни герцога: охоты, забавы, бытовые картинки. И что интересно, в самом уголке автор лепных украшений поместил себя в позе смеющегося над господами человека. Ниша, заделанная ажурной лепной решёткой, отделяет зал от комнаты музыкантов, которые были невидимыми для гостей, но их музыку хорошо слышали находящиеся в зале.

В музее этого замка имеется зал, посвящённый нумизматам. Разумеется, там представлены деньги разных эпох, времён, народов, но особое внимание привлекают так называемые «попугаи» и «беккеры».

«Попугаями» назывались выпущенные в 1616г. шиллинги герцога Ганса Мекленбург – Гюстровского. На одной стороне помещалось изображение имперского орла, которого население называло «попугаем». Таким образом, шиллинги 1616г. получили название «попугаи».

Между 1815 – 1825 годами с большим успехом занимался подделкой древних, средневековых и современных ему монет немецкий авантюрист Карл Беккер. Для подделок он изготовлял особые штампы, выходя из-под которых, фальшивые монеты были лучше оригиналов. Подделки назывались «беккерами».

Словом, богат историей, памятниками, достопримечательностями древний немецкий город Гюстроф.

Бухаров М. Трептов – парк

// Знамя труда. – 1982. – 22 июня.

День Победы. Разве забудут мои сверстники этот радостный и печальный день! Тогда, в утро мира, ещё дымились догорающие остовы почерневших домов, резко пахло порохом и пылью от развалин. Повсюду виднелись иссечённые пулями и осколками стены уцелевших построек, под ногами хрустели битый кирпич, стекло, лепные украшения узких улиц Берлина, начиная от Останхофа и кончая Бранденбургскими воротами. Из окон домов на Унтер-ден Линден, Александрплац висят белые простыни, заменяющие капитулирующим белые флаги. Таким запомнился Берлин в то необыкновенно тёплое, яркое утро 9 мая 1945 года.

...Чтобы увидеть и вновь пережить не покидающее нас никогда чувство радости и горечи, мы отправились в Трептов-парк, место захоронения и славы русских солдат.

Раннее утро, а у главного входа с Пушкинской аллеи уже толпятся группы людей с венками, цветами и флагами. От центрального входа до фигуры скорбящей матери – Родины сплошной поток делегаций с венками, живыми цветами, букетами тюльпанов и роз.

Фигура скорбящей матери – Родины, высеченная из светло-коричневого мрамора, в утренних лучах поднимающегося солнца кажется настолько естественно живой, что невольно хочется притронуться к ней, чтобы оторвать её от бесконечной и мучительной скорби по ушедшим из жизни. Левая рука её лежит на груди, правая бессильно опущена вдоль тела. Должно быть, как услышала о гибели сына, так и замерла навек в этой печальной позе. У ног её, на пьедестале, багровеют красные розы.

Зелёную лужайку ограждают широкие пешеходные дорожки, вдоль которых зеленеют пониклые берёзы. Тонкие ветви берёз опустили в печали свои листочки до самой земли.

Сердце сжимается и замирает в груди, комок невыплаканных слёз затрудняет дыхание, кажется, всё замерло и склонилось перед памятью тех, кто уже никогда не встанет.

Под громадными знамёнами, высеченными из красного мрамора, в вечном поклоне склонили головы два солдата. Снятые каски они держат в руке. Фигуры солдат говорят не только о горечи потерь, но и о бесконечной усталости. Тысячи вёрст отшагал, прополз, проехал этот солдат, чтобы от стен Москвы прорваться в Берлин – логово фашизма и на пороге победы потерять здесь самых близких фронтовых друзей. Складки плащ-палаток подчёркивают глубокую боль и утрату.

Несколько ступеней вниз, и ты попадаешь на величественную площадь Славы. Пять громаднейших плит с лавровыми венками в середине обрамляются по бокам аллеями славы. На монументальных плитах высечены слова о могуществе и единстве советского народа, о связи поколений, о прочности тыла и фронта. Выпуклые барельефы повествуют о жизни и борьбе советского народа, о трудовом подвиге и славных делах в тылу и на фронте.

С левой стороны текст на мраморных плитах высечен на русском языке, а справа – на немецком. В конце площади зеленеет высокий холм, по склону которого возносятся ступени к пьедесталу основного памятника русскому солдату.

На белом цоколе – пантеоне тёмная фигура солдата. Усталое лицо обращено к Родине-матери. В правой руке – обнажённый меч, он опущен на разбитую свастику – символ фашизма.левой рукой солдат держит доверчиво прижавшуюся к его груди девочку. Солдат сделал своё дело: разгромил фашизм, спас мир и жизнь на земле.

Внутри пантеона панорама, изображающая жизнь советских людей, жизнь многонационального государства. Выше панорамного кольца читаешь слова: «Великая заслуга советского народа в том, что он спас человечество от коричневой чумы фашизма».

Отсюда, с верха холма видны бесконечные ряды венков, гирлянд, букетов. Они украшают подножье холма, невысокие перила широкой лестницы, кольцом опоясывают подножие пантеона. Повсюду цветы. Цветы, цветы. И над всем этим синее чистое, без единого облачка небо. Молодая зелень пирамидальных тополей, кущи каштанов, аллеи лип торжественно хранят тишину и покой замечательного памятника советскому солдату. И в этой тишине покоится прах моего товарища по школе Ивана Усольцева. Спи друг! Ты не зря здесь, в Берлине, отдал жизнь 10 мая 1945 года. С тех пор над нашей страной мирное небо.

Немного в стороне среди цветов и зелени, под сенью векового каштана покоится прах старшего сержанта Трифона Андреевича Кукьяновича, погибшего 29 апреля 1945 года. Он погиб, спасая немецких детей. На мраморной плите скромного памятника солдату – всегда живые цветы. Его подвиг стал толчком к созданию скульптуры воина для скульптора Е.В. Вучетича и архитектора Я.Б. Белопольского, выполнявших работу при сооружении величественного памятника подвигу советского солдата.

Так, через 37 лет я вновь пережил торжественную и радостную минуту, побыл с теми, кто поставил последнюю точку в войне с фашистской Германией.

Молодое социалистическое государство выросло на развалинах фашизма, выросло и с каждым днём набирает всё новые и новые силы. Воины ГДР, простые люди Германии свято чтут и помнят немеркнувший подвиг советского воина-освободителя.

Бухаров М. Природа и хлеб

Наша разведка, искавшая проход на Люботин к рвавшейся навстречу нам со стороны Ленинграда 54-ой армии, наткнулась на человека в грязных лохмотьях. Из немыслимого подобия одежды на тонкой шее чудом держалась огромная голова. Длинные, перепутанные волосы напоминали растерзанное бурей воронье гнездо.

Вспоминаются протянутая рука мальчика и его скорбные, усталые глаза, безмолвно просящие хлеба: ...дайте кусочек хлеба, ...не дайте умереть...

Это произошло весной сорок второго года при попытке прорыва блокадного кольца вокруг города Ленинграда. Первая блокадная зима была жестокой, холодной и голодной. Костлявая рука голода крепко сжала горло ленинградцев. Ходившие на разведку бойцы шепотом, из уха в ухо передавали, что они видели по ту сторону передовой. Этому верилось и не верилось. Но к весне мы уже точно знали, как живут люди за Синявинскими болотами, в самом городе, начиная от Ладоги и кончая Финским заливом.

Людей не так страшили бомбы и фугасы, снаряды и массовые налёты авиации, как голод. С холодом ещё можно было бороться, от бомб – спрятаться, от голода не убежишь и не спрячешься: он всегда при тебе, всё время напоминает сосущими позывными.

Когда мальчик поел, мы попытались выяснить, кто он и откуда. Он заговорил каким-то ржавым, скрипучим голосом, по которому мальчику никак не дашь 11-12 лет.

- Война захватила нас в Ленинграде. Отца и старшего брата взяли в армию. Писем от них не получали, слышали только, что отец погиб в бою под Колпино, а где брат – не знаю. Мать и сестрёнка эвакуироваться не успели. Мама всё время говорила: «Куда мы поедим? Здесь у нас дом, а приедем на голое место, что там будем делать?». Так и остались. Сначала ничего, а потом начался голод. Мама опухла, слегла, сестрёнка пристроилась к какой-то воинской части, а я, как мог, старался поднять на ноги маму. Ничего не вышло. Утром я проснулся, а она уже холодная. С помощью соседней с хоронил маму и пошёл, куда глаза глядят. Думал пробраться к своим, устроиться в ремесленное училище. И вот с февраля пытаюсь пробраться. Да всё не могу.

Заканчивая печальный рассказ, мальчик заметил крошечный кусочек от сухаря, упавший из его рук. Он ловко подхватил его – и в рот, после чего. Внимательно осмотрев все складки одежды, вытер руки.

Вот какую великую силу он видел в кусочке фронтового сухаря, вот как надёжно берёт и лелеял каждую крошку хлеба. Мальчик знал: хлеб – это жизнь, это сила!

С какой болью вспоминаются глаза того истощённого мальчика, когда видишь неоправданное расточительство, легкомысленно-сытое отношение к хлебу отдыхающих на берегу озера или речки весёлых туристов. Когда они покидают место трапезы, большие куски остаются на земле. Тут же – несъеденные варёные яйца, вскрытые и почти не тронутые консервные банки, не допитое в бутылке молоко, нарезанные помидоры и свежие огурцы. Как же – в достатке теперь мы живём...

Больно смотреть, когда на дороге видишь россыпь золотистого зерна, но ещё больней становится от того, что в поисках прямых дорог к ягодам, водители машин мчатся прямо по полосе пшеницы, мнут и калечат колосья, делая широкую колею, которая вскоре превратится в дорогу.

Сколько таким образом портится и теряется хлеба?! Задумаешься над этим да представишь это в масштабах нашего государства – невольно приходишь к выводу: нет, плохо мы боремся с расточительством.

Главное в природе – хлеб. Хлеб – это жизнь. Сберегая его, мы становимся сильнее и богаче.

Бухаров М. «Одинокий лист» (Рассказ чекиста Ильи Мешкова)

// Знамя труда. – 1982. – 18 декабря.

- Осенний листопад вызывает в душе необъяснимую грусть. Не знаю, как другие переживают эту пору, а я, увидев одинокий лист на голой ветке дерева, обязательно вспоминаю то, что пережил в далёком 1944 году, - так начал рассказ старый чекист Илья Фёдорович Мешков.

- Стояла поздняя осень, в западной Украине пора необыкновенно красочная и продолжительная. Наши войска на Висле готовились к очередному броску, а здесь шла жестокая борьба с фашистским отребьем, состоящим из украинских националистов. В народе их называли бандеровцами, а попросту это была банда головорезов, ярых врагов советской власти.

Небывало жестокие следы оставили националистические изверги после своего ухода. В деревне Вьюничи Колковского района банда вырезала семью председателя сельсовета Гуренюка, не пощадив даже ребёнка в люльке. С помощью сыромятной удавки глубокой октябрьской ночью был уничтожен пост службы воздушного наблюдения и оповещения на станции Рожицы Ковельской железной дороги. Службу на этом посту несло женское отделение под командой старшего сержанта Тамары Уховой из Тамбовской области.

Накануне я побывал на этом посту, устроенном в доме бежавшего с немцами поляка. За садом этого дома начинались карьерные разработки балластного песка для нужд Ковельской железной дороги. Этот карьер и стал объектом моего изучения и внимательного осмотра. Народная молва донесла глухие отзвуки фашистского нашествия и хозяйничанья в этом районе. По отдельным показаниям выходило, что тёмной ночью 1942 года в разрез карьера было подано 10 или 15 вагонов, битком набитых людьми. Под покровом ночи палачи расстреляли привезённых и захоронили их в карьере. Сколько было уничтожено людей, никто не знал, но называлась большая цифра.

Обследуя рвы карьера, достигающие 10 - 15 метров глубины, наша комиссия То и дело натыкалась на останки расстрелянных. Наконец было обнаружено главное захоронение.

Члены экспертной комиссии жили по соседству с домом, где размещалась служба воздушного наблюдения. Девушек мы хорошо знали, слушали их дружные песни по вечерам, пользовались их связью с областным центром. Это были весёлые и общительные, острые на язык и шутку девушки.

И вот, когда наши воинские части прошли в сторону Ковеля, форсировали Буг и Вислу, оставшиеся националистические гнёзда начали активизироваться.

Я прибыл на станцию Рожицы ночью с оперативным заданием, а утром хотел навестить своих знакомых девушек, чтобы узнать, как они поживают и служат. С тех

пор, как мы расстались, прошло месяца три, четыре. Стояла глубокая осень. Первое, что я увидел, проснувшись утром, обнаженный сад: за эту ночь деревья враз освободились от листвы. В окно тихо стучали капли дождя, на улице было грязно и сыро. На ветке клёна жалкой заплаткой трепетал одинокий резной листочек.

Мои мысли внезапно прервали торопливые шаги и стук в комнату.

- Товарищ капитан, у нас ЧП.

- В чём дело?

Вестовой тихо сказал:

- Сегодня ночью бандеровцы совершили нападение на пост воздушного наблюдения. Оружие исчезло, все мертвы, кроме одного бойца.

Вскоре я был на месте происшествия. Девчата лежали в разных местах дома, как опавшие листья под деревом в осеннем лесу. Одна Тамара почему-то лежала на улице возле крыльца. Как она оказалась здесь, никто не объяснит.

- А Тамара мечтала после войны закончить пединститут. Ей осталось учиться-то один год, а потом стала бы работать, учить ребятишек. Как она любила детей! – еле шевеля почерневшими губами, горестно сказала солдат Аня Карпова.

В момент ночной трагедии Аня находилась на посту, который размещался на крыше дома. По телефону она оповещала штаб о пролетающих самолётах, указывала их направление, примерную высоту. А в это время по тайному ходу из схрона сначала в подполье, а потом в дом проникли бандеровцы. Этим же ходом было унесено оружие после дикой расправы над девушками.

Я глядел на скорбную фигурку Ани, напоминающую мне одинокий пожухлый листок, оставшийся на дереве после ночного листопада.

Вот отчего каждую осень, когда я вижу одинокий лист на дереве, мне вспоминается эта печальная сцена.

Позднее, в ходе расследования преступники были установлены и понесли заслуженное наказание. Потом пришла радостная Победа в яркий и солнечный день мая. Многих девушек, переносивших тяготы войны наравне с мужчинами, уже нет: они спят под скромными холмиками земли. Затерялась в жизни, как одинокий листок, и солдат Аня Карпова.

Составитель: Фалалеева Л.А., библиограф